

в связи с тем, что ничего подобного раньше не было, но и потому, что большинство опубликованного фрагментарного материала либо полностью игнорирует, либо извращает историю африканца как такового (стр. XI)». Следует, однако, сразу оговориться, что авторам сборника, по-видимому, неизвестны работы советских историков.

Центральные разделы сборника: «Период усовершенствования и дифференциации, 1907—1945 гг.» (Дж. Лиффе); «Движение идей, 1850—1939 гг.» (Т. О. Ренджер) и «Подъем и триумф национализма» (А. Дж. Тему) — посвящены отношению танзанийцев к мероприятиям колониальной администрации, росту национального самосознания, развитию национально-освободительного движения, приведшему к завоеванию политической независимости. Эти главы в значительной степени основаны на не публиковавшихся ранее материалах Национального архива Танзании.

Очень интересен и раздел «Внутриконтинентальные районы до 1800 года» (автор И. Н. Кимамбо). Ввиду сложности и дробного характера политической структуры внутренних районов в этот период, Кимамбо на примере ряда областей показывает общие для всех областей черты развития. Это, пожалуй, наиболее солидно аргументированная часть книги.

Как справедливо отмечают редакторы, книге можно было бы дать подзаголовок «От Олдувая до Арушской декларации». Сборник, действительно, охватывает все периоды истории Танзании — от каменного века до провозглашения Арушской декларации 1967 г.

Бесспорно, изложить историю такого огромного периода достаточно полно на 257 страницах практически невозможно, и материал многих разделов книги подан довольно схематично. Слабее всего, на наш взгляд, разделы первый — «Заселение Танзании» (Дж. Саттон) и девятый — «Предпосылки революции на Занзибаре» (И. Мосаре). В главе о Занзибарской революции, кроме того, с наибольшей очевидностью проявилась характерная для всех частей книги тенденция уйти от анализа внешних факторов, повлиявших на историческое развитие этой части континента, свести исследование лишь к констатации отдельных сторон внутреннего развития страны, что вообще характерно для работ многих представителей молодой африканской историографии. В книге, в частности, не нашлось места для упоминания таких событий, повлиявших на весь ход мировой истории, как Великая Октябрьская социалистическая революция, победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., а для Занзибарской революции 1964 года — решительной поддержки ее странами социалистического содружества и в первую очередь признание нового правительства Занзибара Советским Союзом. А ведь без этого судьба Занзибарской революции могла бы быть совсем иной. Это неоднократно публично признавали сами государственные деятели Занзибара. Пытаясь обойти вышеперечисленные внешние факторы, авторы раздела тем самым косвенно принижают роль Занзибарской революции, результаты которой в большой мере повлияли на развитие и континентальной части Танзании в последующем периоде.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки подхода авторов к событиям истории Танзании, книга представляет несомненный интерес для читателя.

Н. М. Гиренко

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

P. Christiansen. *The Melanesian Cargo Cult. Millenarianism as a factor in cultural change.* Translated from Danish by J. R. B. Cosney. Copenhagen, 1969, 148 p.

Датский этнограф Пал Христиансен в своей книге «Меланезийский Карго — культ. Милленаризм как фактор изменения культуры» ставит вопрос о причинах частых восстаний меланезийцев в последние годы (термин «меланезийцы» он относит не только к коренным жителям Меланезии, но и к папуасам Новой Гвинеи). Особенно его интересуют восстания, имеющие религиозную окраску — так называемые культы Карго, связанные с христианизованным культом предков.

В Меланезии и на Новой Гвинее, как известно, нет или почти нет промышленности. Поэтому все необходимые предметы широкого потребления доставляются на кораблях и самолетах из других стран в виде груза (cargo), и попадают преимущественно в руки белых поселенцев. Папуасам и меланезийцам остаются лишь жалкие крохи. И вот то в одном, то в другом племени появляется «пророк», якобы видевший во сне Христа и узнавший от него, что белые незаконно присваивают грузы, тогда как их посылают коренным жителям предки. В результате в этом районе вспыхивают восстания, убивают плантатора, миссионера, колониального чиновника, а затем строят причал или аэродром, и ждут, когда придет корабль или прилетит самолет с грузом, посланным предками. Вместо груза прибывает, как правило, карательная экспедиция.

Антиколониальный характер этих восстаний, имеющих религиозную окраску, очевиден. Однако не следует думать, что культ Карго — это единственная на Новой Гвинее и в Меланезии форма борьбы против колонизаторов.

Автор рецензируемой книги сам отмечает, что имеются «движения, в которых люди стремятся достичь материального благосостояния частично религиозными средствами, но в которых ритуал более или менее подчинен экономической или политической активности» (стр. 26). Таким, например, было движение под руководством папуаса Яли на берегу Маклая (стр. 43—47), а также такие «движения», в которых ритуал не играет никакой роли» (стр. 26) (движение под руководством папуаса Томми Кабу в дельте реки Пурари на Новой Гвинее) (стр. 49—64).

В дополнение к этим примерам можно указать также на движение под руководством меланезийца Палиау на островах Адмиралтейства (о нем автор упоминает лишь мимоходом на стр. 32, 57). Участники движения в целом ставили перед собой реальные цели и добивались их реальными средствами. В частности, Палиау вел активную, хотя и не всегда успешную, борьбу против всплеск культа Карго в отдельных деревнях¹.

Борьба папуасов и меланезийцев против колониального гнета особенно усилилась, как известно, после Второй мировой войны. Многие азиатские и африканские страны, бывшие колонии, завоевали в эти годы политическую независимость и вступили на путь самостоятельного развития. Эти развивающиеся страны были приняты в ООН. В 1960 г. ООН, по инициативе СССР, провозгласила Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам. В Океании также появились первые самостоятельные государства. На повестку дня был поставлен вопрос о предоставлении политической независимости Новой Гвинее и Меланезии. Однако державы — метрополии всячески оттягивают его решение. Папуасы и меланезийцы, которым независимость была обещана еще в годы Второй мировой войны, не хотят больше ждать. Вспыхивают восстания. Зафиксировано 73 восстания, но фактически, пишет автор, их на Новой Гвинее и в Меланезии в эти годы было несколько сотен (стр. 20).

На общем историко-политическом фоне нетрудно, казалось бы, понять причины частых восстаний папуасских и меланезийских племен. Это — нежелание терпеть далее колониальный гнет, стремление покончить с нищенским уровнем жизни, с неграмотностью, вступить на путь самостоятельного развития.

Автор рецензируемой книги, как это становится очевидным после прочтения первых же строк, не выясняет, а скорее запутывает ситуацию на Новой Гвинее и в Меланезии.

Он считает, что не следует различать религиозные движения в колониях и религиозные движения в европейских странах. «По своей природе, — утверждает он, — это одни и те же социальные явления» (стр. 5). Разумеется, это утверждение не верно. Многие религиозные движения в европейских странах были порождены внутренними причинами, и представляют собой одну из форм классовой борьбы. Религиозные движения в колониях порождены колониальным гнетом. Это одна из форм национально-освободительного движения. Такой точки зрения придерживаются многие ученые. Так, В. Лантернари считает, что религиозные движения в колониях — это особая колониальная проблема, одна из форм борьбы угнетенных народов за освобождение. Свою книгу он так и называл «Религия угнетенных»². На этой позиции стоит и П. Ворсли³.

Автор рецензируемой монографии утверждает, будто и до европейской колонизации на Новой Гвинее и в Меланезии были всплески культа Карго. Но факты, приводимые им же самим, противоречат этому утверждению. Так, в книге рассказывается о жителях островков в заливе Гельвинк, где в середине XIX в. голландские миссионеры записали миф о культурном герое Мансрен (стр. 20). Но миф о Мансрен — это одно, а культ Карго, связанный с Мансрен, — это нечто совершенно другое: он возник лишь в середине XX века. Автор также утверждает, будто первые признаки культа Карго на Берегу Маклая появились в 1871 г., когда здесь поселился русский ученый Н. Н. Миклухо-Маклай. Папуасы думали, что перед ними божество Анут, или один из сыновей этого божества, Килибоб. Русский ученый дарил папуасам каменные топоры, гвозди, одежду, бусы, семена тыквы, арбузов и т. д., и на него смотрели поэтом, как на источник богатства. «Но с его именем, — вынужден признать автор, — не было связано никакого ритуала» (стр. 38). Австралийский этнограф П. Лоуренс, справедливо видит здесь обожествление Миклухо-Маклая, но это еще не культ Карго. Даже после восстания в Маданге в 1904 г., жестоко подавленного колонизаторами, по мнению Лоуренса, не возник еще культ Карго.⁴

Культе Карго сложился на Новой Гвинее и в Меланезии после европейской колонизации. Совершенно естественно, что после Второй мировой войны, когда восстания папуасов и меланезийцев стали особенно многочисленными, среди зарубежных этнографов, историков, социологов появился интерес к культу Карго, стали выходить в свет статьи и даже монографии, посвященные этому явлению.

¹ T. Schwartz, The Paliau movement in the Admiralty Islands, 1946—1954, New York, 1963, pp. 273, 283.

² Lantierari, The religions of the oppressed, London, 1963.

³ П. Ворсли, Когда вострубит труба. Исследования культов Карго в Меланезии, М., 1963.

⁴ P. Lawrence, Road belong Cargo: a study of Cargo movement in the Southern Madang district, Manchester, 1964, p. 69.

Автор рецензируемой книги ошибочно связывает современный интерес к культу Карго с открытием в 1932 г. в горных районах Новой Гвинеи двухсоттысячного папуасского населения, не затронутого европейскими влияниями, а также с общим интересом ученых к проблеме инноваций (стр. 24). На деле этот интерес вызван прежде всего тем, что после Второй мировой войны освободительное движение на Новой Гвинее и в Меланезии вспыхнуло с особой силой, что чрезвычайно ослабило колониальный режим.

Любопытно отметить, что автор рецензируемой книги все освободительные движения называет культами Карго, в том числе и такие, в которых миф и ритуал не играют никакой роли, или играют второстепенную роль. Послушаем его самого: «Мы группируем вместе с культом Карго те движения, которые при других обстоятельствах были бы названы политическими, потому что их цель, как правило, это политическая и экономическая эмансипация, а их методы чисто политические. Но поскольку культ Карго имеет, вероятно, ту же цель, а в ряде случаев в освободительных движениях религиозный момент стоит на втором плане, наша классификация может иметь свое оправдание» (стр. 26).

Такая тенденциозность характерна для определенной категории авторов: они говорят об освободительных движениях как о «помешательстве»⁵, подводят все эти движения под культ Карго, и при этом утверждают, будто их «классификация» в какой-то мере оправдана!

Автор критикует функционалистов и структуралистов за то, что они понимают общество как систему, находящуюся в покое и равновесии. На деле же, по мнению Кристиансена — «ни одно общество не представляет собой абсолютного гармонического единства, где все составные части находятся в равновесии» (стр. 126). Главную ошибку функционалистов и структуралистов автор усматривает, однако, в том, что они отрицают внутренние факторы, ведущие к изменениям в обществе, и придают слишком большое значение влиянию внешних сил. Те, кто видит причину культов Карго в колониальном гнете, в рецензируемом издании отнесены к структуралистам и функционалистам (стр. 59). Так общее положение, абстрактно правильное, искажается при его тенденциозной конкретизации. Уже не думает ли автор, что причины истребления тасманийцев и австралийцев, а также «охоты на черных птиц» в Меланезии и на Новой Гвинее следует искать в социальных системах этих регионов?

Функционализму и структурализму противопоставлена марксистско-ленинская теория, которая умеет искать и находить внутренние причины социальных изменений. Эта мысль изложена со ссылками на американского этнографа Эвона Фогта: «Фогт утверждает, что единственная фактически существующая теория изменения — это марксистская, которая, как известно, предполагает, что развитие — то есть изменение — идет в определенном направлении, и что знание динамизма и механизма этого развития может быть использовано, чтобы ускорить и усилить это развитие, конечная цель которого — коммунистическое общество. По мнению Фогта, эта ситуация отражена в международной политике, где США, руководствуясь статическим пониманием структуры, пытаются воссоздать или сохранить то, что существует, в то время как коммунистический мир воспринимают социальные системы в их изменении, и в состоянии поэтому предвидеть и захватывать инициативу. США со своей стороны ограничены в возможностях, так как не имеют четкой концепции о неизбежном изменении и о его направлении, и в политике они вынуждены довольствоваться реакцией на коммунистическую политику, будучи не в состоянии противопоставить ей альтернативу, и не могут захватить инициативу для осуществления изменения» (стр. 62—63).

В этих словах довольно определенно отмечена ставка американского империализма на прогнившие реакционные режимы в некоторых странах. Но приводятся эти слова для другой цели: для обоснования тезиса о внутренних причинах культов Карго. В разделе «Внутренние или внешние причины» (стр. 63—67) утверждается следующее: «Все, по-видимому, указывает на то, что культ Карго покоится на чисто традиционной основе» (стр. 66). По мнению автора, культ Карго — это целиком местное явление, подобное охоте за головами или традиционной системе обмена: более того, все эти явления имели, с его точки зрения, одну и ту же социальную функцию (стр. 70). Этот тезис высказывается в книге несколько раз по разным поводам. В конце монографии предлагается искать причину культа Карго во внутренней структуре папуасского и меланезийского общества (стр. 126), а не в колониальном гнете.

Представляется, что выводы, содержащиеся в монографии Кристиансена, научно несостоятельны. Более того, они могут быть использованы для оправдания колониализма. Поскольку такие идеи нередко встречаются в буржуазной литературе, поучительно проследить, какими средствами автор приходит к столь тенденциозным идеям.

Н. А. Бутинов

⁵ F. E. Williams, The Vailala madness and the destruction of native ceremonies in the Gulf Division, «Papuan Anthropology Reports», 1923, No 4.